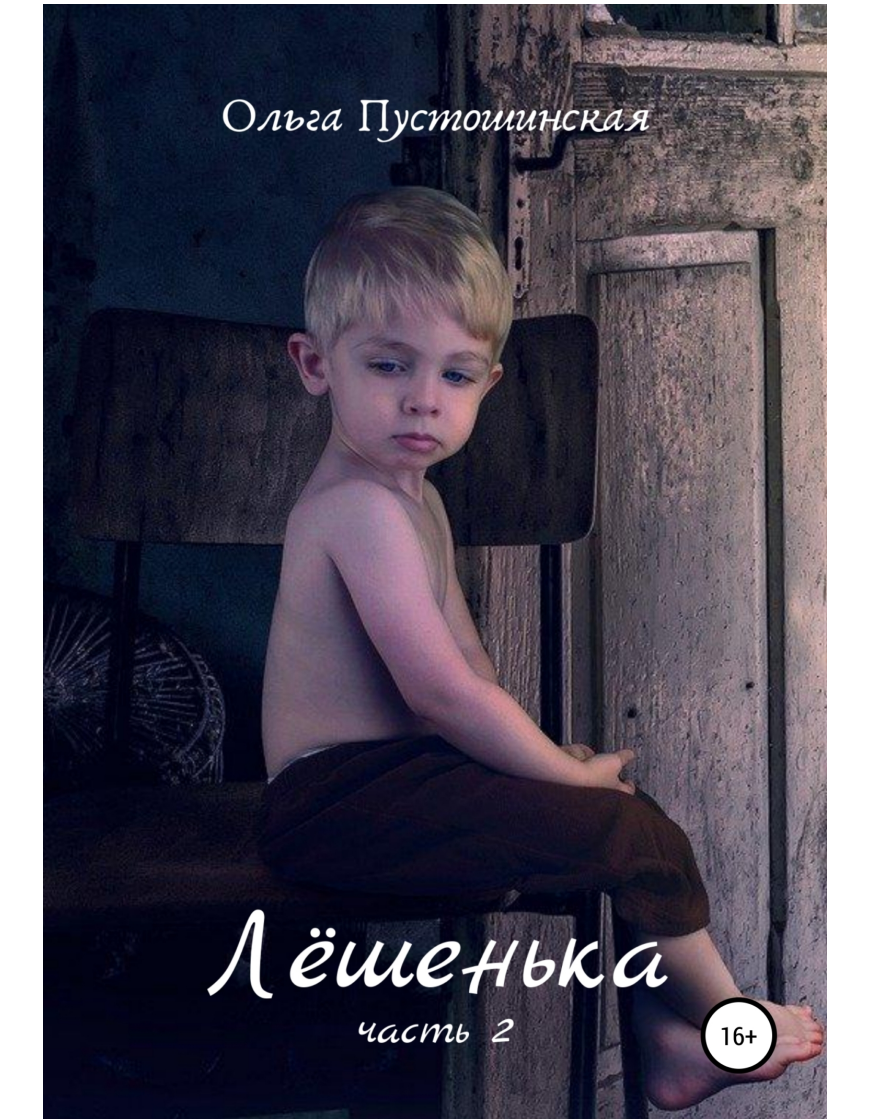

Ольга Пустошинская

Лёшенька

часть 2

16+

Ольга Пустошинская
Лёшенька. Часть вторая
Серия «Лёшенька», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54123382

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-04768-6

Аннотация

Продолжение истории о Лёшеньке, мальчике с необычными способностями, и о других героях первой книги.

Содержание

Хлеб	4
Дар	11
Лёшка лекарь	36
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ольга Пустошинская

Лёшенька. Часть вторая

Хлеб

Под вечер прибежала взволнованная Анисья в наброшенном на плечи тулупчике и сбившемся платке. Вера мыла посуду после ужина в большой лохани, глянула на белое Анисьино лицо и застыла у печки, только с рук грязная вода капала.

– Идут! Эти... из продотряда!

– Матерь Божья! Полинка, поди с Лёшей поиграй в комнате, – поспешила она спровадить младших подальше от греха.

– А можно твои бусы взять? – оглянулась в дверях Полина.

– Бери, бери... Ну, что там слышно?

– В Окунёвке они пока... – Анисья тяжело опустилась на лавку и перевела дух. – Сегодня, поди, уже не придут, а завтра с утра пожалуют. Много солдат, все с оружием... Ты хлеб спрятала?

– Н-нет...

– Так что же ты? – досадливо поморщилась Анисья, даже кулачком по столу пристукнула. – Ждёшь, когда последнее отберут? Весной что сеять будешь?

Вера стала белой как полотно:

– В прошлом годе у нас не брали.

– И у нас не забрали, а сейчас, сказывают, у всех берут!

– Да ведь не всё же отбирают...

Отбирали-то не всё, оставляли сколько-то на посев, сколько-то на прокорм семье, но... Крестьяне перестали сажать больше, чем требовалось – толку спину гнуть, если всё одно забирают? – и тогда продотряды, с которых трясли план, изымали совсем не лишнее. За пуд ржаной муки платили семьдесят семь рублей, за пуд пшеничной – восемьдесят шесть, но разве это деньги? Курям на смех. На рынке зерно и мука стоили куда дороже. Кончится свой хлебушек – новый не купишь. Поэтому припрятывали, чтобы не протянуть ноги. Если находили спрятанное, то забирали уже безо всяких денег. И не только зерно, но и картошку, яйца, мясо, птицу, но главное – хлеб. Прежде чем посылать продотряды, с населением проводилась разъяснительная работа. Мужики и бабы слушали, мрачняя лицами, а дома давали волю чувствам:

– Ишь чего! Мягко стелют, да жёстко спать!

Агитаторы зачитывали газету, где был нарисован пузатый мужик в жилетке и лаковых сапогах, сидящий на мешках с мукой, чем-то похожий на Ульяна Петровича. Волосатыми толстыми руками он загораживал своё добро. До чего противен был этот похожий на паука мужик, даже надпись у него над картузом подтверждала: «Хлебный паук». У такого-то не убудет: звон сколько мешков, у Сапожниковых столько сроду не водилось. В будние дни, поди, белые булки с изюмом

трескает.

Агитаторы уехали, оставив после себя расклеенные по стенам сельсовета плакаты. Яшка с Ванькой подходили поглазеть на них.

– «... Отдашь ли ты во власть голода рабочих, кующих оружие? Оставишь ли ты без куска хлеба детей и женщин?.. Никакой милости утайщикам хлеба!..», – шёпотом читал Ваня.

– «Выполнил ли ты, брат крестьянин, развёрстку? Спеши! Не медли!» – продолжил Яшка.

И баба на плакате, прижимающая к груди младенца в пелёнках, и рабочий в фартуке, и солдат, указывающий пальцем прямо на Яшку с Ванькой, смотрели, казалось, с укором. Хлеба! Хлеба! Всем нужен хлеб.

Вера запричитала:

– Да куда же мне прятать?

– Я знаю, – подал голос Яшка. На правах старшего сына и главного мужика в доме он никуда не ушёл и слышал весь разговор.

– Ну вот и ладно, – подхватилась Анисья. – Надо ещё Белкиным и Тараскиным сказать, побегу...

– Что ты придумал? – спросила мать, после того как закрылась за соседкой дверь.

– Около нужника закопать, туда, чай, не сунутся.

– Нет, сынок. Земля мёрзлая – не удолбишь, да и видно же будет, что копали. В лесу спрятать разве?.. Не ровен час,

наткнётся кто-нибудь и заберёт.

Яшка подумал, почесал затылок и пошёл одеваться. В сарае нашёл лом да лопату, расчистил снег у нужника и, надев рукавицы, стал долбить ломом мёрзлую землю. Дело шло медленно. Яшка возился до темноты, а углубил яму всего-то на аршин. Что тут спрячешь, один мешочикшко разве... Он притащил из амбара тощий мешок ржи, засыпал землёй и закидал снегом. Эх, видно... Одна надежда, что не сунутся солдаты к нужнику.

Яшка вернулся в дом. Мамка запихивала завязанные верёвками мешки в сундук и шкаф.

– Ты что, здесь в первую очередь искать будут.

– А куда же? – растерялась мать. – Что же за жизнь такая... Бьёшься-бьёшься, чтобы вас прокормить, самой ноги не протянуть, а толку нет.

Лёшка оторвался от уроков и сказал:

– Мама Соня велела несколько мешков ржи в угол амбара сложить, а в ларях муку не трогать, пусть там и остаётся. Они не заметят.

У Яшки от изумления глаза на лоб поползли.

– Вот балда! С тобой в прятки хорошо играть: даже искать не надо, сам на блюдечке подносишь.

– Вона! А помнишь, как ты меня летом целый час искал и найти не мог, а я в двух шагах стоял?

– И что?

– И то. Я тебе мысленно глаза завязал – ты меня и не ви-

дел! – торжествуяще ответил Лёша.

– Так ты мухлевал? – ошетинился Яшка. – Никогдашеньки больше с тобой играть не буду.

– Тихо, детки, – мать не смогла сдержать улыбку, – сделаем так, как Лёшенька говорит.

Продотряд из тридцати человек прибыл в Василёвку рано утром. Мать в это время жарила лепёшки с припёком и увидела, как возле дома остановилась кауряя лошадь с санями. Послышались чужие голоса и громкий стук в ворота.

– Хозяева, открывай!

Выгнулась дугой, зашипела испуганная Зайка. У Яшки чай затвердел в горле, он поперхнулся и раскашлялся. Мамка метнула быстрый взгляд на Лёшу, набросила тулуп и пошла открывать. В окно братья увидели, как во двор зашли двое молодых солдат в полушубках и с ружьями за плечами. Козырнули, поздоровались.

– Где хлеб храните?

Мать охнула и слегка побледнела:

– В амбаре...

– Пройдёмте, хозяйюшка.

– Трое деток... мужа убили... – лепетала мамка.

Лёшка сорвался из-за стола, натянул валенки и тулупчик и выскочил за порог. Яшка опомнился и метнулся за братом.

Солдаты деловито вошли в небольшой темноватый амбар с маленьким окошком под самым потолком, откинули крышку ларя. Оттуда пахло пустотой, холодом и мучной пылью. Внутри ларя со слабым попискиванием бегал из угла в угол серый мышонок.

– Пусто, – разочарованно протянул солдат.

– Нам к такому не привыкать, – хмыкнул другой. – Где зерно и мука?

Испуганная мать указала в угол амбара, где стояли мешки с зерном.

– Это что, всё? Не богато.

Солдаты штыками протыкали земляной пол, пытаясь нащупать спрятанный хлеб, искали во дворе, в сараях, в подполе... Забрали два мешка зерна, лукошко яиц, приготовленное мамкой для продажи, и полмешка картошки из погреба.

– Держите. Не за так берём, государство платит, – сказал солдат и подал мамке выписанную квитанцию. – А где у вас уборная?

У Яшки кровь отлила от лица. Сейчас продотрядовец пройдёт в отхожее место, увидит следы вчерашних раскопок и догадается, что это неспроста. Вот тогда они будут искать гораздо внимательнее.

– Я покажу! Идёмте, дяденька, – потянул за рукав Лёшка, – вот по этой дорожке идите...

Солдат пошёл по расчищенной тропинке и скрылся за дверью деревянного туалета, не оглядываясь по сторонам, –

действительно, захотел по нужде.

Продотрядовцы загрузили в сани мешки с зерном, картошкой и отъехали.

Яшка сплюнул и с досадой сказал:

– Замёрзнет у них картоха в такой-то мороз, даже сеном не накроют.

– В школу опоздали, – вздохнул Лёша.

– Ничего, поднажмём – ко второму уроку успеем.

Со дворов доносился бабий вой, наверно, солдаты нашли у кого-то спрятанный хлеб.

– Я так и обмер, когда они крышки откинули, – признался Яшка. – А сам смотрю: ларь пустой, а по дну мышь бежит.

– Я всем глаза завязал, – улыбнулся Лёша, – чтобы вы с мамкой себя не выдали.

– А два мешка так забрали. – Яшка вспомнил печальные и полные укоризны глаза рабочего и женщины с плаката и махнул рукой: – Ничего, мы же не хлебные пауки, можем и поделиться с голодающими...

Дар

Мамка... Не сидевшая без дела, не боявшаяся никакой работы, умеющая всё на свете: и косить, и жать, и ткать, и прясть. Сильная, здоровая... да болела ли она когда-нибудь раньше? Яшка не смог вспомнить, сколько ни хмурил лоб. Нет, кажется, никогда и болела, даже не кашляла. А теперь лежит на кровати похудевшая, лихорадочный румянец на щеках горит. Термометра нет у Сапожниковых, но и без того понятно, что сильный жар.

Яшка осторожно прикоснулся ладонью к мамкиному белому лбу и испуганно одёрнул руку – горячий. А ведь ещё вчера здоровёшенька была... Эх, не надо было ей в лес ехать. Разве они вдвоём с Лёшкой не управились бы?

С утра запрягли Вишенку в сани и выехали за дровами. Мороз был крепкий, день ясный, солнце слепило глаза. Осталась позади Василёвка, впереди темнел лес.

– Снегу-то, снегу... – сказала мать, неловко вылезая из саней. – Вишенку придётся у дороги оставить – увязнет кобылка.

Она шла впереди, глубоко проваливаясь в сугробы и набирая полные валенки, за ней Лёшка и Яшка с заткнутым за пояс топором. Они выбрали подходящую высокую сосну, утоптали вокруг неё снег.

– Я сам, – сказал Яшка и отстранил мать.

Он ловко бил топориком по стволу, с каждым взмахом всё больше углубляясь в дерево, только щепки летели.

— Давай я, а то выдохнешься, — остановила мамка.

Клиновидная вырубка становилась глубже и шире. Втроем они навалились на сосну, и она с шумом обрушилась в снег. Очистили ствол от веток, разрубили его на несколько брёвен, перетащили в сани. У матери в валенках растаял снег, хоть и вытряхивала его, ноги стали мокрыми и холодными. Но ничего, ещё немного — и дома отогреется.

А на другой день почувствовала разбитость и слабость в теле. Поднялась на дрожащие ноги и принялась растапливать печь, поминутно присаживаясь и отдыхая.

— Яша...

Тот протяжно зевнул, свесил с печки взлохмаченную голову:

— Что, уже в школу?

— Неужется мне, захворала... подои корову...

Яшка мигом слетел с лежанки, натянул будничную одежду, бросая испуганные взгляды на мамку. Растолкал Полинку, чтобы помогала с печкой, Лёшке велел почистить у Вишенки, а сам поспешил в хлев, от души надеясь, что Зорька будет в хорошем настроении.

К вечеру матери стало совсем худо. Яшка ругал себя за то, что послушал её и не поехал на станцию за фельдшерницей или доктором. Приходила Анисья, разохалась да разохалась. Заварила малиновых веточек кипятком из самовара, быстро

и ловко обтёрла больную уксусом, укрыла толстым одеялом.

– Простуда, обычная простуда... Пропотеешь – и вся хворь уйдёт, – успокоила она, а в глазах огоньки были тревожные.

Лёшка подтащил к кровати тяжёлый табурет, взял мать за руку и долго не отпускал.

– Я тебе свою силу даю, бери её, я сильный.

– Ты мой птенчик... – сморщила губы в улыбке мать.

Всю ночь она не спала, ворочалась и кашляла, задыхаясь, а когда задремала на минутку, увидела возле кровати плачущую сестрицу Софьюшку.

– Бедная ты моя, бедная... – услышала лёгкий шёпот.

Утром, подозвав Яшку, мать тихо сказала:

– Деньги лежат в коробочке, она в погребке спрятана...

Возьмёшь, если что...

– Зачем, мам? – не понял Яшка.

– Ежели помру... не соглашайся в приют идти. Оставайтесь с Полинкой и Лёшенькой в дому, вместе вам легче будет... И Лёшку не бросай. А может, братец Константин с Фенечкой сюда переберутся... у нас изба большая, все поместитесь.

– Не надо, мамка.

– Сестрицу Софьюшку видела... Чую, за мной она пришла.

Озноб по спине пошёл у Яшки. Он не мог отвести взгляда от мамкиных сухих губ и рук, комкающих край простыни.

– Не смей, мамка, не смей! – Метнулся к дверям, сорвал с гвоздя тулуп и шапку. – Я доктора привезу!

Лёша присел на край постели, накрыл материну шершавую от работы руку своей ладошкой, зажмурился, аж задрожал от напряжения.

– Не получается... – с отчаянием прошептал он.

– Что не получается, Лёшенька?

– Вылечить тебя не выходит.

– Не надо, сынок, я сама поправлюсь... вы с Полиной собирайтесь в школу, – через силу сказала мать. – Опоздаете – учительница заругает.

Лёша решительно замотал головой:

– Я не пойду в школу. Боюсь, если уйду, то придёт она.

– Кто, Лёшенька?

Он скорбно сжал губы и снова покачал головой: не скажу.

Мать только вздохнула:

– Водички принеси, во рту сухо...

Воды принесла заплаканная Полинка.

Яшка гнал Вишенку во весь дух. Только бы успеть, только бы успеть!

Но вот, слава богу, и станция. Яшка остановил лошадь возле одноэтажного здания больницы, построенного купцом-меценатом ещё при царе Николае, и взбежал на крыль-

цо.

В коридоре пахло карболкой, от резкого запаха защекотало в носу; по обе стороны на лавках сидели люди, расстегнув шубейки и тулупы. Один крестьянин собирался перекусить: разложил на коленях белую тряпицу с хлебом, луком и солью, видно, давненько здесь сидит.

– Тебе чего, милый?

Яшка обернулся и увидел пожилую женщину в белом халате и косынке с красным крестиком.

– Мамка заболела, ей надо доктора.

– Ты откуда?.. Из Василёвки? Хорошо, завтра доктор или фельдшер приедет.

– Надо сейчас, – с отчаянием сказал Яшка, – мамке очень худо.

Медсестра покачала головой и мягко сказала:

– Никак нельзя, милый, видишь сколько сегодня больных.

– Я никуда не уйду, буду здесь сидеть, – плюхнулся на скамью Яшка.

Мужик, завтракающий хлебом, подвинулся, поглядел с сочувствием. На шум из двери кабинета выглянул молодой, не старше тридцати лет человек, в таком же халате, как у сестры, на голове сидела белая шапочка.

– Что случилось, Елизавета Андреевна? – спросил он.

«Доктор», – определил Яшка, вскочил и заговорил с мольбой:

– Дяденька доктор, мамке плохо, другой день не встаёт...

жар у неё.

– Хм... хорошо, в стационаре я осмотр закончил, доктор больных примет. Ты на лошади приехал?.. Отлично.

– Но Олег Никитич, – попыталась возразить сестра, – как же можно...

– Надо ехать, вдруг что-то серьёзное. – Олег Никитич скрылся за дверью и через несколько минут вышел в пальто с меховым воротником, в руках – маленький кожаный чемоданчик.

«Лекарства, должно быть...» – с уважением покосился Яшка и побежал отвязывать Вишенку.

Доктор потёр озябшие руки, достал из чемоданчика деревянную трубочку, приложил её к мамкиной спине и стал вслушиваться в хриплое дыхание.

– Жар, кашель? – спросил он, не отрывая трубочки.

– Да... дышать тяжело.

– В больницу вам надо, Вера Семёновна. Полежите у нас в стационаре, полечитесь...

– Это чего такое? – испугалась мать.

– Ну... больница.

– Как же я деток одних оставлю?

По мамкиному лицу было видно: она надеялась, что доктор успокоит, скажет, мол, полежишь пару деньков – и бу-

дешь здоровёшенька, Вера Семёновна. А он – в больницу.

– Наверняка найдётся какая-нибудь добрая соседка. – Олег Никитич бросил взгляд на мрачного Яшку и добавил: – Да и старший сын взрослый, справится.

– Нет, доктор, увольте. Не поеду, – откинулась на подушку мать. – Если оставите порошков каких, то спасибочко скажу, а в больницу не поеду.

И так и эдак уговаривал Олег Никитич – не согласилась. Тогда, покопавшись в чемоданчике, он оставил порошков в бумажных пакетиках, наказав принимать по часам.

Яшка повёз доктора обратно. Не несмышлёныш какой-нибудь, понимал, что тот по доброте своей согласился в Василёвку ехать. Не топать же ему до больницы в мороз и ветер по заснеженной дороге, поминутно оборачиваться, высматривать попутку.

– Мамка поправится? – после молчания решился спросить Яшка.

– Конечно, как же иначе, – торопливо ответил доктор, но в глаза не посмотрел, и Яшке стало не по себе.

Перед божницей теплится огонёк лампадки, освещая тёмные лики Спасителя, Божьей Матери и святых. Маленький Лёшка стоит на коленях и молится горячо и страстно, как не молился ещё ни разу за свою недолгую жизнь.

– Отче наш, Иже еси на небесех... да святится имя Твое...
– шепчет он слова молитвы, истово крестится и бьёт поклоны. – Миленький Боженька, спаси мою маму. Всё-всё для тебя сделаю, только спаси маму Веру...

Слёзы текут по Лёшкиному личику и капают с подбородка на полосатую дорожку, огонёк лампадки расплывается радужным пятном.

– Миленький Боженька...

Это ничего, что он молится своими словами, мамка говорит, что Бог поймёт, он всё понимает, он есть любовь.

Огонёк лампадки становится всё ярче и ярче, светятся личики святых и Спасителя, а Божья Мать смотрит так ласково. Луч света медленно движется сам по себе, становится всё шире. Это уже не тонкий луч, а целый столб света с пляшущими внутри золотыми пылинками. Свет накрывает Лёшку, согревает его тельце, озябшее от долгого сидения на полу, нежно гладит стриженую голову. Лёша подносит ладони к лицу и с изумлением видит, как по ним пробегают искорки, похожие на крошечных светлячков.

– Спасибо, миленький Боженька!

Мелко дрожат руки, сила рвётся из них. Он заставляет себя подняться с колен и на слабых ногах подходит к матери. Её глаза закрыты, слышно хриплое, прерывистое дыхание. Лёшкины ладони прилипают к мамкиному телу магнитами, сила идёт из них потоком, перетекает в неё. Уставший так же, как тогда в лесу, он лезет на тёплую печь и мгновенно

проваливается в сон.

Вера пробудилась ещё затемно, когда в чёрных квадратах окон ещё не забрезжил рассвет. Она пошевелилась и повела глазами, с удивлением и радостью чувствуя лёгкость в теле. Потрогала рукой лоб – жара не было.

– Ай да доктор, помогли его порошки!

Она встала, потихоньку оделась и вышла в кухню, где на печи спали Лёша и Яшка, но, к несчастью, задела ухват. Тот с громким стуком упал на пол.

– Что такое? – подскочил на лежанке Яшка. – Мамка, ты зачем встала? Не ходи, я тебе ведро поставил.

Из-за его плеча высунулась Лёшина голова:

– Мам, а ты уже здоровёшенька?

– Отудобела, слава тебе... Думаю, чего лежать, корову доить надо-тка.

– Мы подоим, ты ложись. Доктор не велел вставать. – Яшка почти насильно уложил мать обратно в постель. – Лёшка, вставай, лежебока, у Вишенки в загородке чистить надо.

– Ещё не рассвело даже, эвон какая темень.

Спорить с Яшкой опасно, можно и братскую затрещину получить, поэтому Лёша сполз с печки, натянул штаны с рубахой, погромел длинным носиком рукомойника. Вытираясь вышитым рушником, он внимательно рассмотрел ладо-

ни. Они были обычными. А вчера-то как бегали по ним искорки, будто в догонялки играли. Получится ещё или нет?

Лёша таращился на ладони и увидел, как снова побежали по пальцам сверкающие точки, руки потянулись друг другу как намагниченные.

– Мам! Никуда не уходи, я тебя лечить буду, я теперь умею! Смотри!

Лёшка показал руки.

– Царица Небесная! Что это, Лёшенька? – ахнула и перекрестилась мать.

– Бог дал.

В воскресенье Лёшка управился с уроками и запросился в усадьбу.

– Иди... только не болтай там, что не следует, – многозначительно сказала мать. Она совсем поправилась и сейчас месила ржаное тесто на присыпанном мукой столе.

– Знаю, не буду.

Ха, «не болтай»! Да разве можно сдержаться и не рассказать про этакое чудо закадычному другу Лёньке? Это же Лёнька!

Птицей долетел Лёша до усадьбы, стукнул в окно, вызывая приятеля на крыльцо. Они перебежали широкий господский двор и свернули за угол амбара.

– Холодно, чёрт! – Лёнька дрожал в плохонькой кургузой курточке. – Может, лучше в комнате посидим или в кухне? Там тепло...

– Нет, там народу много. Смотри!

Лёша сдёрнул варежки сунул руки дружку под самый нос.

Тот отшатнулся:

– Да... сейчас ущипнёшь... или дашь понюхать какую-нибудь дрянь.

– Балда! Смотри... видишь?

У Лёньки глаза стали по полтиннику, он несмело притронулся пальцем к сияющей ладони.

– Ух ты! Это чего такое?

– Бог дал, – серьёзно ответил Лёша.

– А зачем?

– Чтобы мамку вылечить. Я долго просил – и он дал.

– Ого! А меня вылечить сможешь? Чирей на задних вылез, – поморщился Лёнька, – смерть как болит. Пойдём в библиотеку, там, кажись, никого нет.

Генеральская библиотека занимала большую комнату в два окна, с тёмно-синими бархатными шторами со шнурами и кисточками, оставшимися от прежних хозяев; вдоль стен стояли сколоченные коммунарами деревянные стеллажи, сплошь заставленные книгами.

– Вот это да-а... – восхищённо прошептал Лёшка. Он ещё никогда не видел такого богатства. – За всю жизнь не перечитать.

– Эва, я уже по сто раз всё перечитал! – прихвастнул Лёнька.

– Бреешь.

– И не брешу.

– И вот эту тоже? – Лёша ткнул пальцем в толстую книгу в чёрном кожаном переплёте.

– И эту.

– Вот и бреешь, там не по-русски написано.

– Ну ладно, ладно... Лечи давай. Портки тоже снимать?

– Не надо.

Лёнька вытер мокрый нос рукавом и с опаской спросил:

– А это, чай, больно?

– Не знаю, сейчас видно будет. Сюда ложись, – указал Лёша на деревянную скамью.

Лёнька снял великоватые штаны, оставшись в одних подштанниках, и послушно растянулся на лавке.

– Ого... огромный какой чирей. – Лёша приложил тёплые покалывающие ладони к грязноватым порткам.

– Да не, это мамка жёваный хлеб примотала, говорит, за-всегда помогает.

– Ну что, больно?

– Да не... как будто мураши бегают и щекочат, – ответил Лёнька. – Ты лечи, лечи...

Он вдруг ойкнул, сполз со скамьи и поковылял к выходу, поддерживая портки.

– Лёнь, ты куда?

– Сейчас... кажись, прорвался.

Через несколько минут он вернулся с сияющим лицом:

– Всё... И болеть сразу перестало. А то ведь страсть как мучился. Слушай, мой брат Колька брюхом другой день мается, ажно похудел. Поможешь?

– Зови.

Мелкий пришёл, постанывая и держась за живот, глянул на Лёшины ладони:

– Намазал чем, что ли?

– Ничем не мазал, – обиделся Лёшка.

Колька, кряхтя, лёг на лавку:

– А долго ли? До ветру охота.

– Потерпи чуток. – Лёша приложил ладони к Колькиному животу и спросил: – Что чувствуешь?

– Щекотно... и щиплет немного.

Бегали по Лёшкиным рукам искорки, отбрасывая голубоватое сияние, покалывали крохотными иголочками... Вскоре Колька с удивлением заметил, что ему стало легче, кишки уже не так болят, а завтра точно будет совсем здоровёшенек.

– Надо Маньку позвать – она ногу порезала, всё гниёт, не заживает... И Ваську тоже...

Перед дверями библиотеки толпились ребята, подглядывали в щёлку, шушукались, пихали друг друга локтями.

– Куда лезешь, Лёша велел по одному заходить! – пищал возмущённый голосок.

– А ты зачем пришёл, ежели ничего не болит?

– Так... посмотреть хотца.

– Чего смотреть, чай не в цирке.

Они не заметили, как торопливо шёл по коридору председатель с гроссбухом в руках, приостановился, окинул ребят быстрым взглядом.

– Что за собрание? А ну, посторонитесь...

Игнат открыл дверь в библиотеку и увидел Лёшку, приложившего руки к перевязанной ноге худенькой девочки с косичками. Лёнька на правах лучшего друга пристроился рядом на корточках, во все глаза глядя на отсветы от ладоней и высунув от восхищения кончик языка.

– Это что такое? – загремел председатель.

– Да вот... Лёшка лечить может... Бог ему дал...

– Какой ещё бог? Учишь вас, учишь: никакого бога нет. «...Религия – это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа». Кто сказал?

– Карл Маркс... – нестройно ответили ему.

– Правильно! – с удовольствием кивнул Игнат Захарович. – Идите обедать, повариха два раза приглашать не будет.

Ребята оживились и побежали по лестнице в столовую, откуда долетали сытные запахи щей, пшённой каши и свежего хлеба.

– Так-то лучше... А то – бог, бог... Ишь!

Не успела Вера подоить корову и процедить молоко, как с утра пораньше заявила соседка Федора, краснощёкая с мороза, полная и рыхлая баба.

После первых же приветствий, она полезла за пазуху и достала беленький узелочек, положила на стол.

– Возьми, Веруша, не побрезгуй. Это сальце и яичек пяток... Уф, насилу утра дождалась, ноженьки гудят, так и крутило их всю ночь, так и крутило... А Лёшенька-то где?

– Дак спит ещё... Зачем он тебе? Никак в толк не возьму. Федора сделала попытку упасть на колени, но сморщилась от боли и села обратно на табурет.

– Помоги Христа ради! Попроси Лёшу ноженьки мне вылечить, а я уж не поскуплюсь. И яиц принесу, и сметаны, и хлеба.

– Да с чего ты взяла, Федорушка? Нешто мой Лёшка врач? Тебе на станцию надо, там новый доктор, Олег Никитич, очень хороший...

– Да что доктора! – отмахнулась соседка. – От старости микстуры ещё не придумали. А вот Лёша, сказывают, всё может. В усадьбе всех ребятишек вылечил.

У Веры руки и опустились... Взглянула на печь, где завоились сыновья, и вздохнула: таки не выдержал малец, рас-

сказал дружкам.

Ух и уродились нынешним летом грибы! Яшка с Лёшкой чуть ни каждый день в лес ходят, приносят полные корзинки подосиновиков, опят и, конечно, белых. Что же может быть лучше, чем проснуться утром раньше мамки, когда ещё коров в стадо не выгоняли, взять из суднавки краюшку хлеба и пару варёных картофелин со стола, разбудить засоню Лёшку и тихо выбраться из избы. А в лесу-то какая благодать! Прохладно, свежо и тихо-тихо...

Они перешли ручей, немного поплутали по лесу и вышли к своему заветному местечку, где всегда хорошо родились белые грибы. Яшка опустился на колени и шарил руками по мху и опавшим листьям — пальцы нащупали крепенькие шляпки грибов. Он очистил их, выцарапал из земли и сложил в лукошко. Вот и славно, мамка и нажарит с картошкой, и засолит, и засушит...

Последнее своё беззаботное лето догуливает Яков. Окончена школа-семилетка, осенью ему предстоит ехать в город и идти на завод учеником слесаря. Яшка упрашивал мамку, чтобы позволила пойти в кузню к Константину, но та сомневалась, боялась, что в тягость он будет. Зря беспокоится: дядя Костя — свой человек, мужик хороший. Ничего... есть ещё время.

Яшка вспомнил, как прошлым летом они с Лёшкой пытались найти в лесу клад, и повернулся к брату:

– Ты, Лёшк, не только грибы ищи.

– А что ещё? Ягоды?

– Клад. Может, почуешь что-нибудь... Деньги у мамки почти кончились. Чего глаза вытарашил? Вишенку купили, где Косте на жеребчика дали, – стал загигать пальцы Яшка, – тарантас, одежду и валенки всем... Муки ещё, когда своя вышла... крышу у амбара чинили... Что там осталось, кот наплакал.

– Так мама Соня сказала: здесь клада нет, – напомнил Лёша.

– Балда! Это раньше не было, а сейчас, может, и есть. Вдруг кто-нибудь пришёл и закопал?

С этим нельзя было не согласиться, и Лёшка обещал быть настороже. Бродя между деревьев, он смотрел под ноги, буравил землю взглядом. Остановился возле куста и закричал:

– Нашёл!

– Что нашёл? Где? – Яшка с колотящимся от радости сердцем бросился к брату.

В руках у Лёши белел серебристый портсигар, залепленный опавшими листьями. Братья очистили его от грязи и увидели на крышке гравировку в виде лошадиной головы и женщины с длинными распущенными волосами, в накинутом на плечи платке.

– Ух ты, серебряный, небось... тяжёлый какой. Дорогая

вещица, – со знанием дела сказал Яшка.

Он поддел ногтем крышку и открыл портсигар. Внутри лежали свёрнутая купюра и плотный ряд тонких папирос.

– Почти не отсырели, крышка плотная. Подсушить только малость...

Деньги он спрятал в нагрудный карман, чтобы после отдать мамке.

– Поди, осенью гость к кому-нибудь из города приезжал, пошёл в лес грибы собирать, присел передохнуть – и потерял. А мы нашли.

Яшке уже давно хотелось научиться курить. Кирька, лавочников сын, умел курить, Васька умел и Колька тоже. Кирьке так вообще было легко: стащит потихоньку у отца папироску, тот и не заметит – считать он будет, что ли?

Братья отдохнули у ручья, разделив пополам краюшку ржаного, чуть кисловатого хлеба. Яшка наклонился и попил чистой воды, вытер рукавом рот.

– Полнёхонькие корзины, пора домой... А что, Лёшка, может, в коммуноу заглянем Кольку проведать?

Лёша стрельнул хитрыми глазами:

– Кольку?

– Ну да, а что?

– Знаю я твоего Кольку... с вот такой косой, – хихикнул Лёшка и показал рукой чуть ниже спины.

– Сейчас в лоб получишь! – мрачно пообещал брат.

Вы только посмотрите, люди добрые, как избаловался этот

мальчишка! Слова ему не скажи, пальца в рот не клади – вот до чего вредный стал, совсем добра не помнит.

Яшка сунул брату грязный кулак под самый нос:

– Будешь ехидничать – расскажу мамке, что ты штаны порвал и в чулане спрятал.

Лёшка сердито засопел. Почти новёхонькие штаны он изорвал, когда полез на берёзу и неосторожно зацепился за сучок. Большая дыра красовалась теперь на самом видном месте. И как только Яшка узнал?

– Ладно, не буду, – буркнул он, – пойдём в усадьбу.

В коммуне садились обедать. Все собрались за длинным столом, заставленном тарелками со щами и гороховой кашей.

– Гость в дом – бог в дом, – с улыбкой сказал председатель, увидев ребят. – То есть не бог, а... ну неважно... Анна, принеси ещё две тарелки. Вишь, гости пришли!

Зардевшаяся Оля подвинулась на лавке, освобождая братьям место.

– Демьян! – повернулся Игнат к маленькому мужичонке. – Жалуются мне бабы на твою козу, неосознанно ведёт себя, не по-коммунарски. – Он старался придать голосу строгость, а в глазах так и плясали смешинки.

– А что? – поднял голову Демьян.

– Сегодня утром она открыла запор на сарае и вышла во двор.

– Кто?

– Ты, Демьян, дурака не валяй. Мы про кого говорим? Про твою козу.

– Не моя она, а общественная. Я её обществу сдал, – нахмурился мужик. То ли он шуток не понимал, то ли настроение неважным было.

– Дак мало того, что сама вышла и болталась по всей коммуне, – продолжил Игнат, – так ещё и коров за собой увела!

– Это она, Захарыч, агитацию с бурёнками провела! – развеселились коммунары.

– Думай что говоришь. – Демьян хлебной коркой подчистил остатки каши в тарелке. – Как коза может открыть запор? Рук у неё нетути.

– Эва! Рук нет, так она, шельма, рогами и языком открывает! Марья-скотница видела.

– Она у меня всю жисть такая, – вмешалась Демьянова жена. – Никакие запоры ей не помеха, очень карахтерная коза.

– А третьего дня что она сделала? – отложил ложку председатель.

– Что?

– Ушла с выгона в деревню, всех коров за собой притащила и ещё и мирского быка в придачу. И вся эта орава возле колодца стояла.

Коммунары хохотали до слёз, держась за животы. Звонко

смеялась Олька, прикрываясь ладошкой и укрдкой поглядывая на Яшку.

– Саботаж устроила!

У Демьяна поползли глаза на лоб:

– А я при чём?

– Демьяныч, ты её поругай по-свойски, чай она тебя послушает, – задышался от смеха Грач.

– Выговор ей объяви!

– Пастух сам виноват: принял на грудь, а Милка пьяных не любит, – объяснила Демьянова жена Домна. – Коли учует запах вина – рогами под зад поддать может. Очень умная коза.

– Расскажи, Домнушка, как ты её продавала, – попросил кто-то из коммунарок.

– Отчего ж не рассказать, расскажу, – с удовольствием согласилась Домна. – Узнала Дарья Митрофанова из Митяевки, что я Милку продавать хочу, и говорит: «Продай мне, уж больно коза хорошая». А она и взаправду хорошая: молока много даёт, вкусное оно, сладкое... Сговорились о цене, увела Дарья Милку к себе. А на другой вечер, после дойки, смотрю: стоит коза у меня под забором, рогами калитку открывает.

– Нагостилась, домой захотела, – вставил Грач, вытирая рукавом красное от смеха лицо.

– Вернулась, родимая... Два раза я её Дарье возвращала, и два раза Милка назад приходила. Ну, Митяевка-то недале-

ко, оно и понятно... Вернула я деньги и решила, что надо в дальние деревни продать, чтобы не вернулась Милка. Нашёлся покупатель в Окунёвке...

– Из Окунёвки, поди, не добралась – тридцать вёрст ведь, – заметила повариха.

– Вернулась, – махнула рукой Домна. – Через неделю пришла, стоит под воротами, блеет... Худая, бока впали, вся в репьях... Ну что с ней делать? Мы больше не продавали, такая коза и из Питера прибежит.

– И то верно, прибежит, – закивали коммунары. – Как собака верная.

– Ты не серчай на неё, Захарыч.

– Что ты, что ты, – махнул рукой председатель, – я же шутейно. Как можно серчать на такую умную козу?

После пили чай и забористый квас из жбана. Братья поблагодарили за хлеб-соль, Яшка сделал знак Кольке, и они втроём вышли во двор.

– Наелся... – Мелкий похлопал себя по животу.

– Смотри, что у меня есть! – Яшка достал из-под рубахи портсигар.

– Ух ты! – вытаращил глаза Колька. – Где стибрил?

– Почему сразу стибрил? Лёшка в лесу нашёл.

– Важнецкий портсигар, богатый, – завистливо протянул Мелкий. – А лошадь совсем как Вишенка.

– Пойдём за амбар, – многозначительно посмотрел Яшка и показал папиросы.

У Кольки дух захватило, на маленьком носу выступили капельки пота.

– А твой брат не проболтается? – опасливо спросил он и покосился на Лёшу.

– Да ты что, он как рыба.

Они ушли за амбар и выкурили одну на двоих папироску. У Яшки неплохо получилось пускать дым колечками.

– Меня сперва тошнило, и голова болела, – поделился Колька, – а сейчас ничего... Тебя не тошнит?

– Н-нет... Я сейчас... – Яшка ушёл за угол и вернулся через пять минут, побледневший и мокрый.

– Ещё одну? – предложил Колька.

– Эва! На чужой каравай рот не разевай. Мы в деревню пойдём, дома заждались, поди.

По дороге Яшке полегчало, он заметно повеселел и стал насвистывать услышанную где-то песенку, с удовольствием представляя, как ахнет и обрадуется мать, увидев полные корзинки грибов.

– Лёшка, смотри мамке не проболтайся, что мы с Колькой курили, – шкуру спущу, – пригрозил Яшка.

– Знаю, не маленький.

Возле забора стоял привязанный Зефир, запряжённый в телегу, фыркал и встряхивал головой, прогоняя мух.

– Тятка приехал! – Лёшка ускорил шаг, взбежал на крыльцо и со стуком распахнул тяжёлую дверь.

Мать в тёмном платье и наглухо повязанном платке уго-

щала Константина чаем, подвинула поближе миску сметаны, положила в тарелку пирожки с луком и яйцами.

– Здравствуй, сынок. Здорово, племяш. – Константин крепко, по-мужски, встряхнул Яшке руку. – За грибами ходили? Молодцы. А мне всё недосуг в лесок наведаться.

– Мы тебе дадим, тять, у нас много, – пообещал щедрый Лёшка.

– Вот, сестрица Вера, возьми, – Константин полез в карман и достал несколько ассигнаций.

– Не надо, братец, есть у нас, – слабо запротестовала мать.

– Да чего там есть, бери.

– А мы деньги нашли, – спохватился Яшка, – и ещё портсигар серебряный, только папирос там не было. – Сказал и покраснел. Папиросы он успел спрятать в сенях.

Константин рассмотрел портсигар, пощёлкал крышкой.

– Красивый... И лошадь совсем как живая.

Он вышел на крыльцо, свернул самокрутку, затянулся... Лёшка увязался за отцом, внимательно смотрел, как тот курит, выдыхая дым через нос.

– Ты, тять, неправильно куришь, некрасиво. А Яша с Колькой – красиво, они дым колечками изо рта выпускают.

Потом Лёшка, конечно, говорил, что не видел мамку, стоящую за спиной. Честное слово, вот те крест, отсохни рука!.. Зачем тятке сказал?.. Так ему можно, только мамке нельзя.

Яшке влетело. Мать с плачем и причитаниями достала из шкафа отцовский ремень и несколько раз ударила сына по

спине и мягкому месту. Совсем не больно, Яшка и не такое вытерпел бы. Хуже всего были мамкины слёзы. Сморкаясь в передник и всхлипывая, она долго выговаривала, что маленьким курить нельзя, да и вообще никому нельзя. Вон тятка курил, так кашлем заходился, и грудь у него болела... Смотрит он сейчас с неба на сына своего непутёвого и плачет.

Мамка сняла с божницы икону Спасителя и заставила Яшку пообещать, что никогда не притронется к табаку. Тот опешил и пообещал.

– Целуй икону, – потребовала мать.

Яшка приложился к лику Спасителя.

За всю свою жизнь он ни разу не нарушил данного матери обещания, даже после её смерти.

Лёшка лекарь

Редкий день проходил без того, чтобы в избу не стучал кто-нибудь, жаждущий исцеления. Заглядывали в дом бабы с цепляющимися за юбку маленькими детишками, клали на стол узелочки с гостинцами или деньги:

– Лёшеньку... Христа ради. Мы издалека, из Окунёвки пришли.

Вера поджимала губы, едва сдерживая раздражение, и потом неизменно выговаривала сыну:

– Горюшко ты моё луковое! Зачем же ты разболтал ребятам? Ведь проходу не дают, чуть свет – уже стучат. Не ровен час, тиф в избу принесут.

Лёшка обычно отмалчивался, но как-то не выдержал:

– Если бы маме Соне смог помочь какой-нибудь мальчишка, то я бы и ночью к нему пришёл. Просил бы спасти мамку.

В один из дней на пороге появилась молодая баба в простенькой кофте и юбке, державшая на руках маленькую девочку. Та была очень плоха – это стало понятно даже Вере, весьма далёкой от медицины. Лицо у больной было белым до синевы, со впалыми щеками и пульсирующей на лбу жилкой.

– Сказывали, мальчик здесь ручками лечит, – неуверенно начала молодуха, – дочка захворала.

Вера обмахнула полотенцем лавку:

– Кладите её сюда, сейчас за Лёшенькой пошлю. Поля,

кликни Лёшу.

Полинка разыскала брата на улице. Он с увлечением играл в хоронушки, но не спрятался в овраге или сарае, как остальные ребята, а прохаживался прямо перед носом у водящего, который не замечал нахального игрока.

– Глаза по ложке, да не видят ни крошки, – сдавленно хихикал хитрец.

– Лёш, мамка зовёт! – крикнула Полина.

Лёшка вздрогнул, а у водящего как будто пелена с глаз упала. С радостным воплем он бросился к палочке-застукалочке за Анисьин сарай.

– Зачем зовёт? – повернул Лёшка покрасневшее от азарта лицо.

– Пришли к тебе.

– Я не играю – дела, – с сожалением сказал он Лёньке и заторопился к дому.

Молодуха поднялась навстречу:

– Вот... дочка захворала... Ни водицы, ни хлебца душа у ей не принимает, выворачивает наизнанку, до ветру часто... так и льёт...

Лёша опустил на краешек лавки и приложил руки к впалому животу девчонки. Ладони очень чувствительно стало колоть, сотки мелких иголочек впились в кожу, перед глазами всё вертелось, как будто не на скамье Лёшка сидел, а на карусели.

– У неё какая-то заразная болезнь, – сказал он, – я помогу,

но потом надо ехать в больницу.

Мать охнула, судорожно сцепила руки в замок. Только этого не хватало! Не дай бог, тиф... или чего похуже, надо поскорее спровадить гостей. И она, собрав всю решимость, сказала молодухе:

– Миленькая, у меня деток трое. Не обессудь.

Та растерянно заморгала, опустила глаза, засуетилась:

– Мы сейчас уйдём... Не помрёт она, Лёшенька?

– Не помрёт, – мотнул головой Лёшка, – долго будет жить.

До больницы их подбросил на Вишенке Яшка, возивший домой сено. Как он потом рассказал, в больнице все страшно переполошились. Пожилой врач протёр очки и грустно обронил: «Ну вот и у нас холера...»

Услыхав про холеру, мать и сама страшно переполошилась, погнала детей к рукомойнику, заставила умыться и вымыть руки с мылом, а затем, подоткнув юбку, долго скоблила лавку и полы щёлоком, обдавая их кипятком из чугунка.

– Матерь Божья, спаси и сохрани, – шептала она, оттирая половицы. – В городе холера... думала, что до деревни не дойдёт, ан нет.

...На другой день Лёшка напросился с Яшкой на станцию проведать больную девочку, но в больницу его не пустили.

– Да ты что! Своей матке горяшка хочешь? – всплеснула руками санитарка. – Ни-ни, даже не думай, такая зараза, не приведи бог.

Лёшка походил вокруг больницы, заглянул в окна, но уви-

дел только ряды коек с серенькими одеялами. Поковырял носком ботинка землю, махнул рукой:

– Ладно... Ты не думай, если б надо было, я бы и в окно влез.

– А тебя бы веником оттуда! – рассмеялся Яшка.

Они заглянули в станционный магазин, над которым висела поблёкшая коричневая вывеска: «Съестные припасы». Им повезло: продавали сероватое замусоренное пшено и горох. Купили и того и другого по два фунта.

– Крендельков бы... или ландринчику, – размечтался Яшка, укладывая кульки в тарантас, и невольно сглотнул слюну.

Лицо у Лёшки стало хитрым-прехитрым.

– А ты бы не смог ландрин съесть.

– Я не смог?

– Эге.

– Это почему? – изумился Яшка. – Ещё как смогу, я один целую коробку уплету, даже две.

– Потому что Ландрин – это человек, фамилия такая, нам Антонина Ивановна говорила.

– А ну-ка, ну-ка... – заинтересовался брат.

Лёшка стал рассказывать, что кондитер Георгий Ландрин придумал выпускать разноцветные леденцы в виде ассорти без обёртки. Они были как на развес, так и упакованными в красивые жестяные коробочки с надписью: «Г. Ландринъ». Покупать конфетки в ярких жестянках стало модно. Замечательным подарком с ярмарки была баночка разноцветного

монпансье. Кроме того, женщины нашли применение и пустым коробочкам: в них было удобно держать пуговицы, бисер, иголки...

Георгий Ландрин со временем открыл магазины и кондитерские, где продавали печенье, бисквиты, шоколад, конфеты, но главное лакомство – разноцветные леденцы, которые народ стал называть просто ландринном.

– Надо же, я не знал, – удивился Яшка и вдруг озорно пропел где-то услышанную частушку:

*С чем сравню я ваши глазки?
Положительно с ничем,
Не могу сравнить их даже
С ландринном и монпансьем!*

– Ага, Олины глазки лучше! – согласился Лёша и лукаво улыбнулся.

Яшка задохнулся от возмущения и стал пунцовым, точь-в-точь как помидор.

– Лёшка, прибью! Совсем от рук отбился, негодяй, болтаешь, что вздумается!

– Не прибьёшь, я убегу.

– Я мамке расскажу про порванные штаны, – ехидно пообещал Яшка.

– Эва! Она их третьего дня в чулане нашла. И меня даже не побила, только поругала чуток.

– Ничего-ничего, я на тебя найду управу... А ну, слазь с повозки и иди пешком!

– Пешком? До деревни далеко, я устану... – стал канючить Лёша.

И брат, немного поломавшись и позволив себя поуготоваривать, сменил гнев на милость.

Лёшка восхищённо смотрел, закинув голову, на чёрное ночное небо, усыпанное тысячами мерцающих точек.

– Ох, сколько звёзд! Посмотри, Лёнька, как будто горох рассыпали.

– Эге, как горох, – поддакнул дружок, – или ландрин.

– Ну звёзды и звёзды, эка невидаль, – скривился Кирька, – чего особенного?

Он прибил к компании ребят случайно (не очень-то жаловали Кирьку деревенские мальчишки) и сейчас старался урвать хоть каплю внимания.

Яшка засопел и сердито зыркнул.

– Для тебя, может, и невидаль, а для нас – красиво.

Лёша пропустил обидные слова Кирьки мимо ушей.

– Эвон Большая Медведица... та, что на ковш похожа, нам Антонина Ивановна рассказывала...

Ребята сидели тесным кружком вокруг костра, изредка подбрасывали в огонь хворост. Неподалёку паслись стрено-

женные лошади, почти невидимые в темноте, их выдавало только фыркание и негромкое ржание.

Недалеко заблеяла коза Милка, Яшка услышал, усмехнулся:

– Колька, ты зачем козу в ночное притащил?

– Она сама захотела, – стал оправдываться Мелкий, – я вывел Иргиза, а Милка запор открыла – и за нами. Не прогонять же.

Иргизом звали коммунарского коня, правдами и неправдами выпрошенного председателем у начальства.

– Ладно, пусть пасётся... не мешает.

Кирька покопался в кармане и достал жестяную коробочку с выпуклыми буквами: «Г. Ландринъ», открыл крышку, поддев её ногтем; запахло лимоном и ещё чем-то сладким, ягодным. Ребята во все глаза смотрели на это чудо, разинув рты.

– Берите, – щедро предложил Кирька.

Они потянулись к коробочке, скромно взяв по одной конфетке. Не каждый день Кирьян бывает таким добрым, грех отказываться, тем более, что леденцами мальчишки не лакомились ой как давненько!

У-у-у... Уху-ху-ху-у-у... – протяжно заухала совсем близко сова. Лёнке стало страшно, и он невольно придвинулся ближе к соседу.

– Говорят, увидеть сову ночью – плохо, это к несчастью, а днём – ещё хуже, – заметил Петька, вихрастый долговязый

мальчишка.

– Дак то увидеть, а мы разве видели? Мы только слышали.

– В прошлом годе пасли лошадей в ночном, – снова сказал Петька, – сидим возле костра, котелок на рогатины повесили, чай кипятим... И вдруг сова заухла. А потом у одного парнишки сестрёнка померла.

– У какого парнишки?

– Васьки Нестеренки из Окунёвки.

– Не знаю такого... А сова чем виновата? Может, его сестра болела, – не поверил Яшка.

– Ну и что? Ведь померла же.

– А собака забрешет – тоже повинна будет?

– То собака...

– А то сова.

– Ну ладно, хватит вам, – махнул рукой Колька, – давайте картошку печь.

Картошка была украдена Колькой и Петькой с огорода тётки Дарьи. К несчастью, она заметила воришек и долго преследовала их с поленом в руках. Огромное полено, которым и слона убить можно, придало мальчишкам прыти. Тётка Дарья выдохлась и отстала.

Петька вспомнил её красное злое лицо и поёжился:

– А она нас, кажись, узнала.

– Кто? – не понял Колька.

– Тётка Дарья. К мамкам жаловаться пойдёт.

– Может, и не узнала... – отозвался Мелкий без особой

уверенности в голосе. — Нет, ну а что оставалось, если свою картошку забыли!

Ребята согласились: действительно, другого выхода не было. Они закопали клубни в золу и стали ждать. Вот испеклась картошка, мальчишки похватали её, горячую, и принялись с жадностью есть, обжигаясь и пачкая рты сажей. И вдруг в тишине тонко заверещала привязанная к колышку коммунарская коза.

— Чего это она? — удивился Кирька.

Колька стрельнул хитрыми глазами и сказал:

— Волка, может, чует?

— К огню волк не сунется, не дрейфь. Лошади тоже волчий дух чувят, пугаются... — Петька выкатил палочкой картофелину и стал перебрасывать её из руки в руку, как жонглёр.

— Ой, кто-то идёт... — прошептал Лёнька, показывая грязным пальцем в сторону леса.

Раздался едва слышный шорох, будто кто-то маленький шёл, ступая босыми ногами по траве, и из темноты показалась фигурка незнакомой девчонки в длинной льняной рубашке и платочке, по-бабьи повязанном вокруг головы. Она в нерешительности остановилась неподалёку, исподлобья разглядывая ребят.

— Ты кто такая и откель взялась? — удивился Яшка.

— Оттуда, — махнула девчонка рукой в сторону леса. Она так и осталась стоять в сторонке, почёсывая голой грязной ступнёй лодыжку.

– А чего здесь делаешь? Поздно ведь.

– Ничего... гуляю.

– Дня тебе мало... – проворчал Петька. – Домой иди, мамка с папкой волнуются, поди.

Девчонка замотала головой:

– Не... они знают. А можно я с вами посижу?

Яша окинул взглядом её жалкую фигурку в рубашке и милостиво разрешил:

– Сиди... грейся.

Девочка просияла, маленькое худое личико оживилось, вспыхнули радостью голубые глаза. Она плюхнулась рядом с Лёнкой, вытянула к костру исцарапанные ноги. На её посеребренной голени зияла глубокая рана с кровоподтёком.

– Ого... где это ты так поранилась?

– Косой в прошлом годе задела. Да не болит уже, прошло, – улыбнулась девчонка во весь щербатый рот.

– Лёшку попроси, он тебя вылечит, – предложил Лёнька. – Лёш, правда?

– Та не, не надо... Баба говорит, что всё само заживёт как на собаке, – рассмеялась она.

Лёша кинул на гостью быстрый взгляд и остался сидеть на месте, даже не шелохнулся. Яшке стало зябко, он вздрогнул и придвинулся ближе к огню. Ребята поёжились, а Кирька заворчал и подбросил в костёр хворосту.

Девчонка засмотрелась на свои голые сизые ступни, пошевелила пальцами и сказала:

– А мои красивые ботиночки Нюратке отдали...

– А кто это, Нюратка?

– Сестрёнка. Мама хотела мне оставить, а баба говорит:

«Чего добру пропадать, пусть Нюрка носит».

– Злыдня у тебя бабка, – криво усмехнулся Кирька.

– Та не, не злыдня, ей ботиночек жалко, – улыбнулась девчонка, и ребята прыснули со смеху от такого незамысловатого ответа.

Она тоже засмеялась, довольная, что смогла развеселить мальчишек.

– Баба добрая, она думала, что я не слышу, а я слышала.

Ещё больше похолодало, стали видны струйки пара, вылетающие изо рта, и Петька неохотно поднялся, чтобы набрать ещё хворосту.

Искорками помигивали в чёрном небе звёзды, жарко разгорелся костёр, пожирая ярко-оранжевыми языками подброшенные сухие ветки. Он был ненасытен, этот огонь, требуя всё новой и новой пищи. Ребята молчали, уставившись на пламя. Кто-то уснул, свернувшись калачиком на расстеленной куртке.

Яшка проверил лошадей, вернулся к костру, и тут на него напала страшная дремота. Он отчаянно боролся со сном, мотал головой, тёр глаза, но всё же не выдержал.

– Лёшк, ты не спишь? А мне смерть покемарить охота. Разбуди, если что. – И прилёг рядом с Колькой.

Время от времени он просыпался и видел в свете огня Лё-

шу и ту девчонку в платочке.

– Ты зачем здесь? – уловил Яшка сквозь дрему тихий голос брата. – Не следует среди людей ходить, возвращайся туда, откуда пришла.

– Ботиночки Нюратке отдали, как же я без них буду... – Всхлипывающий голос доносился приглушённо, как сквозь туман. – Скажи моей мамке, чтобы принесла, она тебя послушает.

– Скажу, скажу.

Когда Яшка в очередной раз проснулся, уже светало. Отчётливо виднелись силуэты лошадей, возле догорающего костра спали мальчишки, прижавшись друг к другу. Той босой девчонки уже не было, скорее всего, ушла домой.

– Эй вы, сони, вставайте. Эвон как светло!

Кирька протяжно зевнул и сказал:

– Какое светло?.. Тьма египетская...

Стали просыпаться остальные ребята, потягиваясь и дрожа от сырости и утренней прохлады.

– А девчонка где? – спросил, озираясь, Колька. – Ушла, что ли?

– Эге, ещё ночью ушла, – ответил Лёша.

– Дёры от мамки получит как пить дать.

Лёшка отошёл от потухшего костра, развязал путы на ногах Вишенки.

– Не получит.

– Почему? Все мамки одинаковые.

– Да... вам скажи – голосить будете.

– Чего нам голосить? Говори давай. – У Петьки от любопытства разгорелись глаза.

– Мёртвая она, это Васькина сестрёнка из Окунёвки.

Мальчишки побледнели.

– Брехня...

– Бывает такое, – пожал плечом Лёшка. – А вы что, не заметили, как зябко вчерась стало? Когда мертвяк рядом, за- всегда холод чувствуется.

Ребята молчали, всё ещё не веря.

– Прошлым летом она ногу косою рассекла, заболела и по- мерла от этого.

– А-а-а-а! – завопили Кирька с Колькой и бросились бе- жать по мокрой от росы траве, забыв про коней и козу.

– Я ж говорил: голосить будете... – вздохнул Лёша.

Константин привёз пугающее известие: третьего дня у его хозяина отняли кузню, или национализировали, как сказали в сельсовете. Что они собирались с ней делать – неизвестно.

– Царица Небесная, заступница! И как же теперь? – ахну- ла мать.

– Не знаю, сестрица Вера.

– Хоть бы оставили, не помирать же с голоду деткам.

Константин раскурил самокрутку, выдохнул облачко ды-

ма и сказал:

– Дураки будут, ежели закроют. Кузня-то денег приносит, неужто лишняя копейка мошну тянет?

Яшка так и обмер: как же его планы пойти к дяде Косте в ученики, выходит, лопнули? Он хмуρο ковырял заусенцы на пальцах и морщил лоб. Вот завсегда так, только размечтаешься о чём-нибудь хорошем, так судьба тебе в лоб сковородником – терпи, Яков, да почёсывайся.

Но, к счастью, вскоре пришла утешительная новость: кузню и кузнеца оставляют, даже разрешают взять ученика. Радостный Яшка готов был ехать сию минуту, но мать удержала:

– Куда торопишься? Завтра вместе поедem.

Она пересмотрела сыновью одежду, надставила лоскутками рукава старой рубахи: поносишь и такую, чай не жених ещё; подлатала дырочки на куртке, выстирала штаны и исподнее.

– Как там тебя встретят?.. Фенечка-то девка добрая, а вот маменька ейная... Так, поди, и ходит к дочке свои порядки наводить. Хотя говорят, потише Матрёна стала, как Иван домой воротился.

На другое утро отправились в Андреевку сразу после чая, оставив Полинку домовничать.

– Чужих в дом не пускать, щи в печке стоят, ватрушка – в суднавке, – дала мамка последние указания.

– Да знаю, знаю... А Варю можно позвать?

– Варю можно.

Яшка запряг Вишенку в лёгкий тарантас, купленный у Михаила Ивановича. Хороший всё-таки человек Михаил, жаль будет, если его конюшню... как там... национализируют. Пока как будто не трогают, хотя кто его знает.

Яшка задумался, всё смотрел на острые ушки и тёмную гриву лошади и вдруг сказал:

– Вот бы Вишенка жеребёночка нам родила, да мам? Здорово было бы: две коровы, две лошади в хозяйстве, как у Ульяна Петровича.

Мать рассмеялась, поправляя по привычке косынку. Она лишь недавно сняла чёрный вдовий платок и повязала белый и, заметив взгляды детей, устремлённые на ее голову, сказала с виноватыми нотками в голосе, что в тёмном очень жарко.

– Да, хорошо будет с двумя лошадушками. Может, услышит нас Господь, и принесёт Вишенка жеребчика.

Яшка как наяву увидел жеребёночка-сосунка, такого же тёмного с вишнёвым отливом, как Вишенка, с тонкими резвыми ножками, с коротенькой щёткой гривы... И цокнул языком: эх, здорово! За этими приятными мыслями и дорога стала короче, вот и дом Константина показался.

Крупный рыжий пёс чутко дремал у калитки. Услышал шум, вскочил, хвостом завилял – узнал, рыжая морда! В окно выглянула Матрёна, увидела гостей и лицом помрачнела – мать это сразу заприметила, – но тут же улыбнулась и затянула нараспев:

– Здравствуйте, гости дорогие! Веруша, Яшенька, заходите в избу... Лёша, отгони кобеля, ступить, зараза, не даёт.

Матрёна говорила без умолку, зорко поглядывая на Яшку с узелком в руках.

– Константин? Да в кузне, где ж ему быть... Феня с отцом в поле ушла, а я с дитями сижу. Кто ж ещё поможет дочке единственной, как не родная мать?

Близняшки играли на полу с тряпичными куклами в красных сарафанчиках и во все глаза уставились на гостей.

– Господи, выросли-то как, не узнать! – ахнула мать.

Вынула из корзины два пирожка с картошкой и протянула девочкам. Те торопливо поднялись с пола и подбежали за угощением, семена маленькими ножками. Девочки были очень похожи друг на друга, на первый взгляд и не отличить. Сходство ещё больше подчёркивали одинаковые холстинковые рубашонки, украшенные яркой тесьмой.

– Сколько им, Матрёша?

– На Покров два будет.

Пока Матрёна возилась с самоваром, сестрёнки сложили матери в подол своих кукол с пуговичными глазами, объясняя словами и жестами, что одна кукла – это Лиза, а вторая – Таня. Лизутка бегала споро, перебирая маленькими ножками, а Танюшка сильно прихрамывала на больную ступню.

– А что это, Вера, Яшенька с узелком? Ай собрался куда? – спросила Матрёна, перетирая полотенцем блюдца и чашки.

– Да куда... к Константину в ученики приехал, – осторожно отозвалась мать, ладонью разглаживая на столе клеёнку с пышными розанами. – Школу закончил, рукомеслу надо-тка учиться.

Матрёна пошла рваными красными пятнами и принуждённо засмеялась:

– А и правда, рукомеслу обучится – не пропадёт.

Хоть и ласково говорила, а глазами недобро зыркала, руки нервно двигались, переставляли без надобности вещицы на полочке. Яшка поднялся, потянулся за картузом:

– Я к дяде Косте...

– Иди, сынок, мы с Лёшей только вечером назад поедем.

Закипел самовар. Матрёна разлила чай, пододвинула тарелку с пряженцами. Мать посмотрела на румяные лепёшки и вспомнила:

– Не чутко, не собираются ли из развёрки (так она назвала развёрстку) за хлебом приехать?

– Не, не чутко... Да сейчас-то зачем ехать, ещё не жали, не молотили – брать нечего. Вот к Покрову, может, нагрывают... Ой, как я тогда испужалась, душа в пятки ушла! Мы с Иваном хлебушек-то в курятнике припрятали. Они туды и не сунулись, но всё равно боязно было. Четыре мешка забрали, а могли и больше... Коська в кузницу зерно увозил, там, грит, тоже не искали. А у вас-то как?

– Да тоже взяли... Своя мучица вышла вся, покупала... Умолота ждём. Ох дорого, хлебушек-то золотой нынче. –

Мать отхлебнула из чашки, украдкой поглядывая на Лёшу, играющего с девочками в углу комнаты.

Он сводил и с усилием разводил светящиеся ладони, словно они были намагничены.

– О-о-о! – задохнулись от восторга близняшки, потянулись, прикоснулись пальчиками.

Лёшка приложил руки к больной ноге Танюшки. Ладони закололо, но он закусил губу, не одёрнул. Таня скривила ротик, скуksилась и захныкала.

– Больно? Перемогись, потерпи, – уговаривал Лёша.

И она словно поняла, зажмурилась, вцепилась ручонками в свою куклу. Резво побежали по ладошкам искры, вливалась сила в искривлённую, напряжённую пружинкой Танюшкину ногу. Лёшка растирал её, надавливая на нужные точки то в одном месте, то в другом.

– Получится, непременно получится. Вот так, ещё чуть-чуть... – шептал он. – Ещё побегаем с тобой наперегонки. Эге?

– Эге...

Стукнула калитка, послышался обрадованный возглас.

– Никак Фенька... – Матрёна отодвинула занавеску и выглянула во двор.

В избу вошла покрасневшая от солнца и ветра Феня, поздоровалась со всеми, перецеловалась.

– А я вижу: Вишенка во дворе! Гости приехали, а хозяйки нет, – улыбнулась она, обмахиваясь краем платка. – Благо-

дать какая на улице, последние тёплые денёчки стоят.

– Отец-то где? – спросила Матрёна.

– Домой пошёл.

– Ну и я пойду, – подхватила она. – Проводи, Феньк, а то чёрт рыжий кидается, без рук и ног оставит, ирод пу-чеглазый...

Хорошо живётся Яшке. Уже месяц работает он с Константином, постигает все тонкости кузнечного мастерства. В кожаном фартуке стоит возле полыхающего горна, такого яркого, что смотреть больно; стучит молотом по наковальне, высекает искры. Ему радостно и удивительно смотреть, как из бесформенного куска железа получается замечательная скоба или щеколда. Не чудо ли? Яшка чувствует себя самим Сварогом, богом-кузнецом.

Он получил первые деньги и гордился собой: пусть небольшие, но свои. Не дядя Костя дал, а сам заработал, вот этими мозолистыми руками. Скоро домой поедет, поможет мамке отмолотиться. Не управиться ей одной без мужика-то...

Матрёна приходила нянчить внучек, бросала на Яшку полные боли взгляды и едва заметно морщилась, но молчала. К счастью, они не так часто встречались, иначе кусок хлеба у Яшки поперёк горла бы встал.

Фенечка тоже замечала недовольную мамкину физиономию и успокаивала:

– Ты, братец Яков, не тушуйся, на маменьку мою не гляди, она завсегда любила личики делать.

– Да я и не...

– И правильно. Как я скажу – так и будет.

«Ого, характерная», – подумал Яшка. Он смотрел на близняшек, бегающих за белым котёнком, Зайкиным сыночком, и замечал, как легче стала двигаться Танюшка. Уже не так сильно выворачивала ногу и меньше хромала. Он поделился своим наблюдением с Феней, та радостно и немного испуганно согласилась:

– Я вижу... молчу – боюсь сглазить.

– Это Лёшка наверняка помог.

– Лёшенька? – округлила глаза Фенечка.

Яшка рассказал о появившемся у брата даре. Свои люди, можно.

– В ноженьки поклонюсь, – Феня вытерла глаза передником, – я завсегда знала: Лёша – особенный.

Вот и дождался Яшка молотьбы. Раньше, когда он был маленьким, жатва проходила весело, с песнями, шутками и прибаутками. Первый срезанный пучок мать обязательно обматывала вокруг пояса, чтобы не болела от работы спина, потом эту вязку по обычаю закладывала за иконы. Сжатый хлеб они убирали в снопы, а снопы – в суслоны. И когда ставили последний суслон, все громко кричали: «У нашего хо-

зяина: стоги высоки, засеки глубоки, мякушки гладки, нали-
тушки сладки!» И громче всех звучал голос отца. Да, весело
было...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.